

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

*К семидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД · 1976

К ОБЪЯСНЕНИЮ СИСТЕМЫ ВРЕМЕН ТУРЕЦКОГО ИНДИКАТИВА

Разветвленная система временных форм глагола в тюркских языках неизменно привлекает к себе внимание тюркологов.¹ Значительный вклад в изучение названных форм внесен А. Н. Кононовым, перу которого, помимо детального описания форм времени в турецком и узбекском языках,² принадлежат и специальные исследования по данному вопросу.³

Так как совокупность значений временных форм в тюркских языках, в частности и в турецком языке, может считаться установленной в основных своих чертах, задача современного изучения тюркских глагольных времен состоит в том, чтобы уяснить систему времен, т. е. те многообразные отношения, которыми связаны все формы времени между собой — каждая со всеми остальными.

В настоящей статье предпринята попытка разъяснения некоторых особенностей системы времен турецкого индикатива на основе методологических установок, сформулированных автором применительно к другой категории, характеризующейся также многочисленным противопоставлением форм, — категории падежа.⁴ Названные методологические принципы базируются на учении диалектической логики о соотношении общего и единичного.

Анализ категории падежа показал, что многочисленное противоположение форм в ней реализуется в виде подразделения всего ряда форм на два «малых» ряда. При этом каждая падежная форма проявляет двойственность значений, проистекающую из двоякой оппозиции каждой формы — с одной стороны, формам «своего», «малого» ряда и, с другой стороны, формам другого «малого» ряда в рамках категории в целом. Иначе говоря, каждой падежной форме с неизбежностью свойственно вхождение в два ряда противопоставлений. Ниже формулируется аналогичный взгляд и на противоположение форм в категории времени в развитие тех положений, которые в предварительном виде и применительно к старомузбекскому языку уже были высказаны автором настоящей статьи.⁵

В сфере категории времени в турецком индикативе отчетливо противопоставлены два ряда форм со следующими формальными показателями:

-acak	-acaklı
-ar	-ardı
-mak üzere	-mak üzereydi
-yor	-yordu
-makta	-maktaydı
-miş	-mişti
-di	-diydi

Из этого сопоставления могут быть выведены следующие заключения.

а) Два указанных ряда отражают собой противопоставление двух фонов времени, двух временных планов — временного фона момента речи с нулевым показателем фона (левый ряд форм) и временного фона, отнесенного в прошлое, с формальным показателем *-di* с вариантами (правый ряд форм);

б) противопоставление двух временных фонов в сфере времени глагола имеет соответствие в аналогичном противополжении двух значений времени у именного сказуемого (ср.: *işçiyim* 'я рабочий', *işçiydim* 'я был рабочим') с частичным отклонением в образовании форм 3 л. обоих чисел именного сказуемого в настоящем времени (аффикс *-dır*);

в) если отвлечься от сравнительно поздних образований с показателями *-mak üzere* и *-makta* и «вычесть» их из обоих рядов, противопоставление форм двух рядов будет выглядеть (а исторически так оно и было) как четкая оппозиция простых (фон момента речи) и сложных (фон прошлого) форм времени;

г) в ряду простых временных форм фона момента речи *-acak*, *-ar*, *-yor*, *-miş*, *-di* отчетливо видна постепенная градация временных значений: будущее, н а с т о я щ е е - б у д у щ е е, настоящее, п р о ш е д ш е е - н а с т о я щ е е, прошедшее, причем в этой градации между формами, выражающими действие как п р о ц е с с, связываемый с тремя простейшими («естественными») временными представлениями — будущим *-acak*, настоящим *-yor* и прошедшим *-di*, располагаются промежуточные звенья с ярко выступающими к а ч е с т в е н н ы м и значениями *-miş* и *-ar* (подробнее об этом — ниже);

д) более поздние звенья этой градации *-mak üzere* и *-makta* также входят в цепь временных значений, смыкающихся друг с другом, и располагаются симметрично по обе стороны от формы с показателем *-yor* (см. левый ряд форм) как формы, выражающие настоящее, готовое перейти в будущее (*-mak üzere*), и настоящее (*-makta*), «картинно» развернутое как длящийся во времени динамический признак (ср. значение статического признака у формы с показателем *-miş*);

е) противопоставление двух фонов времени, закрепленное в турецком языке в оппозиции пар аналогичных форм, может быть рассмотрено в связи с известным в литературе различием индикативного и релятивного употребления глагольных времен: индикативное (прямое) употребление глагольных времен определяют как использование их по отношению ко времени речи, а релятивное (относительное) употребление — как использование их по отношению к какому-либо другому временному фону (в данном случае — к фону прошедшего времени).⁶

Рассмотрим подробнее некоторые вопросы, связанные со следствиями, которые были выведены выше из внешней картины времен турецкого изъявительного наклонения.

1. О КАЧЕСТВЕННЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ЗНАЧЕНИЯ В ФОРМАХ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ -MIŞ И -AR

Временная форма с показателем -miş характеризуется такой совокупностью значений, которую связывают с понятием перфекта: она обозначает «каков кто есть в силу прежде совершенного действия»⁷ или нечто «раз и навсегда приобретенное» в результате прошлого действия.⁸ Эти качественные, о п р е д е л и т е л ь н о - р е з у л ь т а т и в н ы е оттенки семантики перфекта⁹ в турецкой его разновидности хорошо показаны А. Н. Кононовым.¹⁰ Значение неочевидного, «заглазного» действия, присутствующее в определенной сфере употребления данной формы в современном турецком языке,¹¹ является производным от собственно перфектного значения.¹² Качественные значения турецкого перфекта проявляются с большой четкостью и наглядностью. Он обозначает наличный результат как состояние, наступившее вслед за недавним действием (а), или как состояние, приобретенное в силу более или менее давнего действия (б).

а) Ben bitirdim efendim! Hanımlar bir türlü yazamadılar. Kendilerine başka işler verilmiş, dedi (S. Ali). 'Я-то завершил (работу), эфенди. (Однако) машинистки никак не смогли переписать (ее). Им даны другие задания, — сказал он'.

Yalnız öyle dikilmiş dursa iyi, ellerini iliklenmiş caket düğmesinin üstüne koymuş, boynunu kırmış iki büklüm (A. Nesin). 'Хорошо, если бы он только стоял, как вкопанный, — он еще сложил руки поверх пуговиц своего застегнутого пиджака, согнув (при этом) шею вдвое'.

Belli ki, içtiği rakı, karnına uğramadan doğruca kafasına çökmiş (A. Nesin). 'Ясно, что водка, которую он пил, минуя желудок, ударила ему прямехонько в голову'.

б) Senin çok iyiliğini görmüşüz (A. Nesin). 'Мы видели от тебя много хорошего'.

Hıdırlık tepesinde gâvur zamanından bir kaval top nasılsa kalmış (A. Nesin). 'В Хыдырлыкe на холме еще со времен нечестивцев каким-то образом сохранилась пущка'.

Herkes unuttu beni, unuttu kızım. Unutulmuşum (N. Hikmet). 'Все забыли меня, забыли, дочка. Я забыт'.

Понятно, что качественность значений перфекта тесно связана с его «причастной» сущностью.¹³

В современном турецком языке имеется специфический тип употребления перфекта — с постановкой вслед за личным показателем аффикса *-dır* (единого для всех лиц). Такое использование перфекта связывают иногда с понятием об особом времени — прошедшем-настоящем.¹⁴ Думается, однако, что вернее будет говорить именно об особом типе употребления единой временной формы с показателем *-miş*, которая во всех своих проявлениях, в том числе и в перфектных значениях, точнее всего может быть квалифицирована как прошедшее-настоящее время. Аффикс *-dır* в данном случае следует рассматривать как формальное средство акцентирования собственно перфектного значения состояния, наступившего в результате прошлого действия. Потребность в таком акцентировании возникла вследствие развития в перфекте вторичных значений с модальными оттенками неожиданной новизны сообщения, неуверенности в сообщаемом, опосредствованного знания, предположительности. Названный аффикс нейтрализует указанные модальные значения.

Belki onun ne harikulâde olduğunu o anda anlamışım dır (N. Hikmet). 'Пожалуй, я именно в этот момент понял, сколь она необычайна'. Ben, dedi, Göksel. Belki bu ismi duymuşsunuzdur (N. Hikmet). 'Я, — сказал он, — Гёксель. Вы, наверное, слышали это имя'.

Качественные же оттенки значения, но уже с иной направленностью, свойственны и временной форме с показателем *-ar*, которая обозначает «постоянное свойство предмета».¹⁵

2. О ПРЯМОМ (ИНДИКАТИВНОМ) И ОТНОСИТЕЛЬНОМ (РЕЛЯТИВНОМ) УПОТРЕБЛЕНИИ ВРЕМЕН

Выше было сказано, что соотношение двух временных фонов с идентичным для каждого из них набором временных форм (см. выше два противостоящих друг другу ряда форм) имеет определенную аналогию с известным в литературе различием прямого (по отношению ко времени речи) и относительного (по отношению к какому-либо другому времени) употребления времен глагола.

При всей несомненности этого факта, очевидного даже при чисто внешнем взгляде на формальные приметы турецких глагольных времен, картина функционирования времен турецкого индикатива была бы неполной и неверной по существу, если ее свести только к различию индикативного и релятивного употребления одних и тех же форм. Иначе говоря, нельзя утверждать, что в современном турецком языке имеется лишь первый ряд форм, релятивно используемых и в плане

прошедшего времени (второй ряд форм). Факты показывают, что общая система функционирования временных форм индикатива гораздо сложнее и указанное соотношение составляет лишь часть, лишь одну сторону этой системы.

Основными факторами, нарушающими и «возмущающими» соотношение прямого и относительного употребления времен первого и второго рядов, являются взаимодействие времени с формантом *-dı* со сложными формами фона прошедшего времени и явная морфологизированность последних. Как мы видели, форма *-dı* входит в ряд форм, выражающих значения времен в их отношении ко времени речи. Сложные формы второго ряда выражают время по отношению к фону прошедшего времени. В этом втором ряду полной параллелью к форме *-dı* первого ряда, казалось бы, должна быть форма *-dıydı*. Однако на самом деле это не так. Форма *-dı* сама взаимодействует с формами второго ряда, а форма *-dıydı* носит яркие черты обособленности среди форм второго ряда. Взаимодействие формы *-dı* с формами второго ряда проявляется в том, что формы *-mıştı*, *-ardı*, *-yordı*, *-acaktı* выражают в различных видоизменениях значения фона по отношению к действиям, обозначенным формой *-dı**: *-mıştı* — 'фон-состояние' (а), *-ardı* — 'фон-обыкновение' (б), *-yordı* — 'фон-действие' (в),¹⁶ *-acaktı* — 'фон-намерение' (г).

а) Şehrin sonuna gelmişim. Gene yürüdüm... Demiryolu köprülerinin altından, buz tutmuş kanallarının üstünden yürüdüm (S. Ali). 'Я дошел до края города. Я все шел. Прошел под железнодорожным мостом, затем — через каналы, схваченные льдом'.

б) Erkekler benden öğrenirlerdi... Kız arkadaşlarım da alay ederlerdi... Sonra bana yüz yirmi yaşında Kızılderili bir kadın bir ilaç söyledi (A. Nesin). Мужчины питали ко мне отвращение. Мои подружки-девушки — и те потешались... Потом одна двадцатилетняя женщина из Кызылдерли сообщила (мне) одно средство'.

в) Her yürüdüm. Saatlerce yürüdüm. Hiçbir şey düşünmüyordum. Soğuktan gözlerimi kırıyor ve koşar gibi hızlı adımlarla ilerliyordum. İki tarafımda muntazam dikilmiş çam ormanları vardı. Arasıra dallardan yere pat! diye kar parçaları düşüyordu. Yanımdan bisikletli insanlar ve uzaktan yerleri sarsarak bir tren geçiyordu. Yürüdüm... (S. Ali). 'Я все шел. Шел много часов. Я ни о чем не думал. От холода я щурил глаза и двигался стремительными шагами, почти бегом. По обе стороны от меня высились огромные сосны. Время от времени с веток с шумом срывались пласты снега. Рядом со мной мчались люди на мотоциклах и проносился поезд, еще издали сотрясая землю. Я шел...'

* Ср. градацию этих фоновых значений с градацией значений форм времени в ряду форм плана времени речи, показанной выше.

г) Tam u a t a s a k t ı m k i, pencereden dışarıya bakmak geldi aklıma (N. Hikmet). 'Я уже совсем хотел было лечь, как вдруг мне пришло в голову взглянуть через окно наружу'.

Эти факты показывают, что форма -d1 тяготеет по значению к формам прошедшего времени второго ряда, с которыми эту форму связывают отношения противопоставления: с динамическим, «двигающим события» значением прошлого действия, выражаемым формой -d1, соотнесены не двигающие события и потому более статичные «фоновые» значения сложных форм второго ряда. В этой группе временных форм, которую образуют формы второго ряда в месте с формой -d1, нет места форме -dıydı. Эта последняя форма обособилась в значении прошедшего времени «припоминательного» («был такой факт, что такой-то делал то-то»):

Kendimi hiç bu kadar şık giyinmiş görmediydim (N. Hikmet). 'Я никогда еще не видывал себя столь шикарно одетым'.

Hani hatırlıyorsun ya, dedim. Sonradan sana söylediydim, kardeşin Ayşeyi senin odana kadar getirdiydim (N. Hikmet). 'Ты ведь помнишь, — сказал я, — да я и говорил тебе (об этом) впоследствии, это я провожал (тогда) твою сестру Айше до твоей комнаты'.

Это обособление проявляется и в возможности особого оформления данной формы — в постановке аффикса 3 л. ед. ч. после личного показателя прошедшего времени, когда личный аффикс, предшествующий конечному аффиксу -d1, обозначает субъекта действия, а конечный аффикс -d1 показывает бытие данного факта в прошлом и не имеет отношения к выражению субъекта действия:

Kömürücü, kaç defa karşılaştıktı (N. Hikmet). 'Угольщик... (знаю...) сколько раз встречались!'

«Kagım ol Ayşe» diye fısıldadındı (N. Hikmet). 'Ты тогда шептал: «Будь моей женой, Айше»'.

3. ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ФОРМ ВТОРОГО РЯДА ПО ОТНОШЕНИЮ К ФОНУ ВРЕМЕНИ РЕЧИ

Весьма ярким фактом, подтверждающим безусловную морфологизованность форм второго ряда, является способность их употребляться не в повествованиях о прошлом, т. е. не в значениях, отражающих фон того действия, которое обозначено формой -d1 (см. выше, разд. 2), а по отношению к фону времени речи. При этом в формах второго ряда проявляются особые значения, отличные от значений, реализующихся в них при использовании данных форм по отношению к фону прошлого. Наиболее ярко это выражено у форм -mıştı, -ardı и -saktı. Так, например, если форма -mıştı по отношению к фону прошлого обозначает состояние, наличное в прошлом (см. выше, разд. 2, примеры «а»), или действие, предшествовавшее другому

прошедшему действию (а), то по отношению ко времени речи она выражает абсолютную давность действия (б)¹⁷ или неожиданность обнаружения в данный момент какого-либо факта (в).

а) *Yatağa daha yeni girmiştim, kapının tokmağı vuruldu* (A. Nesin). 'Я только-только лег в постель, как в дверную колодушку постучали'.

Ne talebetmiştim bu kızdан ki onu reddediyordu? (S. Ali). 'Что такого я потребовал от этой девицы, что она отвергала это (предложение)?'

б) *Vallahi, dedim. Aynı soyadını birçok insanlar alıyor ama, sizininkisini hatırlıyorum. Gazeteler dünyanın bilmem hangi bucağından çok zengin, hattâ milyoner bir vatandaşın İstanbula geldiğini, Anadolu'da büyük endüstri teşebbüsüne geçeceğini yazmıştı* (N. Hikmet). 'Помилуй, господи! — воскликнул я. — Такие же имя и фамилию носят многие люди, но ваши я припоминаю. Газеты писали о том, что — не помню только из каких краев земли — в Стамбул приехал некий очень богатый, будто бы даже миллионер, гражданин и собирается приступить к организации крупной промышленности в Анатолии'.

Sizin en dost talebem olmadığınızı çok eskiden anlamıştım (N. Hikmet). 'Я уже очень давно понял, что вы не являетесь моим самым доброжелательным учеником'.

в) *Herşeyi anlıyorum artık. Göksel soyadının bana neden yabancı gelmediği ortaya çıkmıştı, şimdi* (N. Hikmet). 'Теперь я все понимаю. Вот и прояснилось, почему имя Гёкселя не оказалось для меня неведомым.'

Üst göze anahtarını sokarken Raif Efendinin senelerdenberi oturduğu iskemlede olduğumu ve onun her gün birkaç defa yaptığı hareketi tekrar ettiğimi şimdi farketmiştim (S. Ali). 'Когда я сунул ключ в верхний глазок, я только теперь представил себе, что я сижу на стуле, на котором в течение долгих лет сидел Раиф-эфенди, и что я повторяю движение, которое он совершал каждый день по несколько раз'.

Формы *-ardı* и *-saktı* по отношению ко времени речи имеют значение сослагательности.

Zaten başka ne söyliyebilirdim ki buna! (N. Hikmet). 'И что в сущности я мог бы сказать на это!'

Peki öyle ise, daha ne istiyorsun, seni paşamı uaracakları? (A. Nesin). 'Ну хорошо, чего же еще ты хочешь, — уж не того ли, чтобы тебя сделали пашой?'

Приведенные факты представляются вполне достаточными для того, чтобы говорить о принципиальной возможности объяснения системы турецких глагольных времен на основе понятия о двух «малых» рядах в рамках категории времени — рядах, различающихся ф о н а м и времени: первый ряд форм состоит из времен, соотносимых со временем речи, второй — из времен, соотносимых с фоном прошедшего времени. Система функци-

онирования обоих рядов, т. е. категории времени в целом, представляется в виде совокупности оппозиций каждой временной формы одного из рядов другим формам своего ряда и ф о н у другого ряда (именно фону, а не каждой форме этого ряда). Этими двумя противопоставлениями, т. е. вхождением каждой формы в два ряда оппозиций, определяется двойственность значений каждой временной формы. Формы первого ряда соотнесены между собой своими простейшими временными значениями (прошедшее—прошедшее-настоящее—настоящее-длительное—настоящее—ближайшее будущее—настоящее-будущее—будущее), которые обозначаются по отношению к фону времени речи, а по отношению к фону прошедшего времени эти формы имеют различные «обстановочные» значения (см. разд. 2). Формы второго ряда по отношению друг к другу обозначают различные оттенки прошедшего действия, а по отношению к фону времени речи имеют особые значения абсолютной давности, сослагательности и т. д.

Эти свойства оппозиций форм времени имеют несомненные черты сходства с противопоставлением форм в рамках другой многочленной категории — категории падежа. Подобно тому как двойственность значений каждого падежа определяется двояким противопоставлением падежа — формам «своего», «малого» ряда и формам другого ряда падежей в системе склонения в целом,¹⁸ точно так же и двойственность значений каждой временной формы определяется двояким противоположением ее — формам «своего», «малого» ряда и формам другого ряда в системе категории времени в целом. При этом противопоставление значений в «своем» ряду форм в основном семантически, т. е. основывается на различиях грамматических значений, тогда как оппозиции форм одного ряда формам другого ряда базируются на более «далеких» различиях семантико-синтаксического порядка. Возьмем в качестве иллюстрации какую-либо одну падежную форму и какую-либо одну форму времени. Исходный падеж в «своем» ряду падежей соотнесен со своими ближайшими коррелятами — дательным и местным падежами своими обстоятельственными значениями (откуда—куда—где), а с формами другого ряда — основным, винительным и родительным падежами соотнесен как форма дополнения, которая вместе с объектными значениями дательного, местного и винительного падежей противостоит основному падежу как падежу подлежащего.¹⁹ Форма -mişti в «своем» ряду форм прошедшего времени отличается от последних особым значением прошедшего действия — предшествующего другим прошлым действиям, а по отношению к формам другого ряда, т. е. к формам фона времени речи, обозначает абсолютную давность действия.

Охарактеризованная выше система турецких глагольных времен выявляет также глубоко диалектическое соотношение формирующих ее элементов. Она состоит как бы из двух подсистем, наложенных одна на другую. Соотношения между первым и вторым рядами форм в этих подсистемах различны. В одной под-

системе первый и второй ряды соотношены друг с другом как два типа употребления одних и тех же времен: использование их по отношению ко времени речи (первый ряд форм, индикативное употребление) и по отношению к фону прошедшего времени (второй ряд форм, релятивное употребление). В другой подсистеме первый и второй ряды форм противопоставлены друг другу как самостоятельные и морфологически закрепленные различные формы времен, причем здесь не только первый ряд форм, но также и второй ряд характеризуется возможностью индикативного употребления, т. е. использования по отношению ко времени речи.

Вряд ли можно сомневаться в том, что первая из этих подсистем представляет собой консервативный элемент системы времен в целом, тогда как другая подсистема является прогрессивным элементом этой же системы. Консервативный элемент, как отражающий собой прежнее состояние системы времен, функционирует в составе современной системы времен в преобразованном, преодоленном виде, т. е. в рамках сложнейшего взаимодействия с прогрессивным элементом.²⁰

Таковы некоторые черты системы временных форм, дальнейшее изучение которой должно выявить весь механизм оппозиций отдельных ее форм. Думается, что возможности методологического подхода, изложенного выше, смогут принести пользу подробному изучению системы времен тюркского глагола.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Фуломов А. Ф. Фезл. Ташкент, 1954; Орузбаева Б. О. Формы прошедшего времени в киргизском языке. Фрунзе, 1955; Коклянова А. А. Категория времени в современном узбекском языке. М., 1963; Насилов Д. М. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма). АКД. М., 1963; Серебrenников Б. А. Система времен татарского глагола. Казань, 1963; Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965; Чарыяров Б. Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы. АДД. Ашхабад, 1970.

² Кононов А. Н. 1) Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 218—248; 2) Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, с. 202—237.

³ Кононов А. Н. 1) Турецкая глагольная форма на *-мыш*. — Уч. зап. ЛГУ, № 20, сер. филол. наук, вып. 1, Л., 1939, с. 34—49; 2) Происхождение прошедшего категорического времени. — ТС I. М.—Л., 1951, с. 112—119.

⁴ Иванов С. Н.: 1) «Родословное древо тюрков» Абу-л-гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969, с. 49—99; 2) К истолкованию многозначности грамматических форм (На материале тюркских языков). — ВЯ, 1973, № 6, с. 101—109; 3) О сохранении в строе языка следов его прежних состояний (по материалам турецкого языка). — СТ, 1973, № 6, с. 9—16.

⁵ Иванов С. Н. «Родословное древо тюрков» . . . , с. 135—150.

⁶ См., например: Виноградов В. В. Русский язык. М.—Л., 1947, с. 568—569.

- ⁷ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958, с. 256.
- ⁸ Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 223.
- ⁹ См.: Виноградов В. В. Русский язык, с. 562.
- ¹⁰ Кононов А. Н. Турецкая глагольная форма на *-мыш*. . ., с. 44.
- ¹¹ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, с. 231—233.
- ¹² Иванов С. Н. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-ган* и ее производные). Л., 1959, с. 14—20.
- ¹³ Там же, с. 38.
- ¹⁴ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 233—234.
- ¹⁵ Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. II. Язык и литература. М., 1961, с. 81. Подробнее об этом см.: Любимов К. М. О настоящем-будущем времени в турецком языке. — В сб.: Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953, с. 163—167.
- ¹⁶ О фоновом значении формы *yorğdu* см.: Кошмидер Э. Турецкий глагол и славянский глагольный вид. — В сб.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 382—394.
- ¹⁷ Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 241.
- ¹⁸ Иванов С. Н. К истолкованию многозначности грамматических форм. . ., с. 107—109.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Иванов С. Н. О сохранении в строе языка следов его прежних состояний. . ., с. 9—16.